

Первый раз я увидела её, кажется, году в сорок третьем или сорок четвёртом. Ещё шла война. Во МХАТе, не так давно вернувшись в Москву из эвакуации, из Саратова, с успехом шло «Горячее сердце» Александра Островского, где я играла роль Параша. Этот спектакль нравился Сталину, и он смотрел его, как и «Дни Турбиных», раз десять или пятнадцать, а может быть, и больше.

Хорошо помню, как он первый раз пришёл на мой спектакль. Нас заранее предупредили, что сегодня будет «Сам». В «Горячем сердце» есть такая «сцена под деревом». У этого самого «древа» сидели я – Параша – и влюблённый в неё Гаврюша (его играл Пётр Чернов). Мы вели беседу, шутили. Гаврюша спрашивал меня: «Погулять вышли?» Я отвечала ему, пела, смеялась. А краем глаза видела в правительственной ложе усатое лицо. И колени у меня подскакивали так, что приходилось держать их руками, чтобы не было заметно, – настолько было страшно!

И вот, в этой ложе вместе со Сталиным несколько раз появлялась девушка – рыженькая, с бантом, в нарядном платьице. Это и была Светлана – дочь Сталина и Надежды Аллилуевой.

* * *

Кончилась война, в январе 1949 года я вышла замуж за Арсения Григорьевича Головки – военного моряка, адмирала (после чего почти всё Политбюро поочерёдно перебивало на спектаклях с моим участием). Тогда Арсений был, если не ошибаюсь, начальником Главного морского штаба. Летом сорок девятого, уже ожидая рождения ребёнка, мы поехали в Кисловодск отдыхать. И сделали короткую, на несколько часов, остановку в Нальчике, в санатории Совета Министров – с тем, чтобы заехать на родину мужа, в город Прохладный, бывшую казачью станицу. Кто-то из встречавших нас сразу сказал, что тут отдыхают Светлана с Юрием Ждановым – они только что поженились. Отец Юрия – Андрей Александрович Жданов, один из руководителей партии и правительства, незадолго до этого умер.

Начальником санатория был Журавлёв – тот самый, что потом, в Москве, лет десять был начальником домоуправления «Дома на набережной» – где кинотеатр «Ударник» и «Театр Эстрады», где нам пришлось потом довольно долго жить. Ни я, ни муж не хотели покидать небольшую уютную трёхкомнатную квартиру в Кудринском переулке. Серое здание на берегу Москвы-реки

с конца тридцатых пользовалось недоброй славой. В анекдотах, за которые, случалось, и сажали, оно звалось «домом предварительного заключения». Но о том, не хотим ли мы переехать, как бы между делом, после официального доклада, спросил мужа сам Сталин. Отец Светланы очень редко спрашивал о подобных вещах просто так. И летом пятидесятого года мы оказались в доме на углу Берсеневской набережной и улицы Серафимовича, в огромной пятикомнатной квартире, которую прежде занимал народный комиссар Военно-морского флота Николай Герасимович Кузнецов. От мужа я в подробностях знала, как в 1947 году Кузнецова и ещё нескольких адмиралов обвинили в передаче военных секретов англичанам и американцам во время минувшей войны и судили судом чести, как многих из них отправили в тюрьму, а Кузнецова разжаловали и сняли с должности. А мы теперь должны были жить в его квартире.

Из-за всего этого было тревожно и неприятно...

А тогда, в сорок девятом, у Журавлёва была какая-то просьба к Арсению, поэтому он старался всячески нам угодить. И в виде особой любезности познакомил нас с Юрием и Светланой. Мы разговорились. Светлана была очень мила, вспомнила свои посещения МХАТа вместе с отцом. Строй-ненькая, без каблуков – видимо из-за того, что Юрий Андреевич был очень небольшого роста. Юра и Светлана рассказали, что тоже планируют прибавление семейства – у меня-то беременность была более чем явной, поэтому мы и обсудили эту тему. В общем, получилась у нас приятная, ни к чему не обязывающая светская беседа.

* * *

Дело было в августе, а в ноябре я родила сына и почти полгода жизнь моя целиком была от- дана ему, дому, семье, переезду на новую квартиру (по словам мужа, Сталин сказал: «Ведь у вас, товарищ Головки, говорят, недавно родился сын, думаю, вам необходима большая квартира»). Чуть позже я смогла выкраивать время для театра – всегда любила и люблю свою актёрскую профессию. Очень любила я и своего Арсения – всегда хотелось самой приготовить ему обед, по- стирать рубашки – казалось, что кто-то другой обязательно сделает не так хорошо. Этим и были заполнены мои дни.

Сын понемногу рос, в доме у нас появилась няня, и жизнь постепенно выравнилась, вошла в но- вую колею. Вскоре кто-то рассказал мне, что Светлана родила девочку Катю. Она потом училась в одной школе с моим сыном, в младшем на один год классе...

Сегодня мне кажется, что я достаточно нелепо прожила те счастливые для меня годы. Мне было уже 30, мама умерла ещё перед войной, отец погиб в ополчении в первую военную зиму, под Мо- сквой. Любимый муж, сын, семья, дом – своя отдельная квартира, казались мне таким долго ожида- емым счастьем, что я боялась чем-то его спугнуть. Отчасти поэтому мне не очень хотелось приво- дить Арсения на артистические вечеринки – я хорошо знала, что театральный мир легко становится завистливым и недобрым. И я старалась очень разборчиво знакомить мужа со мхатовцами. Так же разборчив был и мой муж, знакомя меня с военными. Сказывался и упомянутый мною суд чести, и то, что примерно за полгода до моего знакомства с Арсением была репрессирована Нина Вячесла- вовна Горская, балерина кордебалета Большого театра. Её обвинили в «связи с иностранной развед- кой» (на деле это было знакомство с английским военно-морским атташе, которое совершенно офи- циально произошло во время какого-то мероприятия или приёма). Горская была женой известного артиста Бориса Чиркова и несколько раз то уходила от мужа к Арсению, то возвращалась. И хотя её арестовали уже после разрыва с Арсением, он считал, что от Нины Вячеславовны будут добиваться показаний против него...

* * *

Но у нас всё же была своя небольшая компания – два семейства братьев Яковлевых, один из которых был довольно крупным дипломатом, а другой – адмиралом. Оба они были в хороших от- ношениях с Арсением, и мы стали бывать друг у друга в гостях – они у нас, мы у них. И вот как-то у Яковлевых в числе гостей оказались Юрий Андреевич и Светлана. Тот вечер получился на удив- ление приятным и весёлым. Юра моментально сел за рояль, он очень хорошо играл и симпатично

пел. Я тогда тоже пела, и так, дуэтом, мы довольно долго всех развлекали. Дней через десять этой же компанией мы собрались у нас, на Серафимовича. Так завязалось, или, вернее сказать, продолжилось наше знакомство.

На наших вечерах мы пели, танцевали, иногда слушали пластинки, о чём-то спорили. А Светлана (она заканчивала тогда истфак, собиралась преподавать) почти всегда сидела где-нибудь в уголке, как-то отстранясь от общей компании, но не замыкаясь совсем – если к ней обращались, то охотно, но тихо разговаривала, что-то рассказывала. Никогда не танцевала. Хотя пружиной веселья неизменно становился её Юра – с роялем, музыкой, пением, анекдотами. Она тогда очень хорошо одевалась, у неё была красивая и даже, пожалуй, спортивная фигура – как-то я с удивлением и восторгом видела её, кажется, в Серебряном бору, катающейся за катером на специальной доске – прообразе водных лыж (мне это запомнилось, так как самой совершенно было не дано). Общее впечатление немного портила небольшая сутулость. Но, может быть, Светлана сутулилась, как и носила туфли на маленьком каблучке, специально, из-за того что была ростом выше своего мужа.

На какой-то не слишком долгий период наши встречи стали регулярными, вошли в систему. Правда, Юрий Андреевич и Светлана к себе нас никогда не приглашали – видимо потому, что жили они тогда в Кремле, кажется, в квартире отца Юрия.

Как-то раз, в один из наших вечеров, Светлана подседа ко мне и заговорила о том, что вот, Кира, у вас голос, вы хорошо поёте, вы учились этому?

– Училась и продолжаю учиться, – отвечала я. – У меня замечательный педагог.

Ещё до войны я занималась у Елены Юльевны Жуковской, ученицы Рахманинова – к ней меня привёл отец, который мечтал, чтобы я была певицей, он сам хорошо играл на скрипке и пел. Елена Юльевна умерла в сорок пятом, и мхатовские певицы познакомили меня с Софьей Андреевной Рачинской. Она жила на улице Воровского (не так давно ей вернули дореволюционное название – Поварская) в огромной, с эркером комнате коммунальной квартиры. Этот старый московский дом сохранился и сегодня, он стоит почти на углу Нового Арбата, напротив церкви, на другой стороне улицы. Софья Андреевна была женщиной совершенно очаровательной – образованной, воспитанной, остроумной и, главное – отлично знающей своё дело. Поговаривали, что в молодости у неё был очень хороший голос и что происходит она из дворян. Так ли это было – не знаю.

Нас, мхатовцев, Софья Андреевна очень устраивала своей методикой обучения и подходом к делу. Она исповедовала теорию, что вокальный и речевой голос драматического артиста не нуждаются в разной подготовке. Занималась я у Софьи Андреевны с удовольствием и достаточно регулярно.

Обо всём этом я и рассказала Светлане. И вдруг она стала меня просить:

– Кира! Если вам не трудно, у вас есть педагог... Устройте меня к ней... Дело в том, что я от природы очень тихо говорю, а мне сейчас придётся читать лекции, нужно хоть как-то поставить голос, а я к тому же часто простужаюсь, болит горло... А потом... Юра, он ведь человек общества, он любит петь, а я, как видите, рта почти не раскрываю, Юра у рояля, а я сижу одна...

И я загорелась!

– Конечно, Света, конечно.

И на следующий же день отправилась к Софье Андреевне. И чуть не довела её до сердечного приступа!

Когда я сказала, кто хочет брать у неё уроки, у Софьи Андреевны отвис подбородок и задрожали руки – лет-то ей уже было немало.

– Кира! Что ты со мной делаешь?

Я помогла ей сесть и продолжала рассказывать, какая Светлана симпатичная, как ей это нужно и важно – лекции, Юра, компании – как будет интересно с ней заниматься, как я верю в её способности и талант преподавателя...

Минут через десять Софья Андреевна, тяжело вздохнув, согласилась:

– Ну ладно, Кира, ради тебя... Не знаю, что из этого выйдет... Будь что будет, давай попробуем...

И началось!

Когда через два дня я пришла к Софье Андреевне на очередное занятие, то руки у неё дрожали ещё больше. Она стала рассказывать:

– Светлана мне позвонила, мы очень интеллигентно поговорили, договорились о встрече. Но за два часа до назначенного ей времени раздался звонок в дверь, и, представляешь себе, вошли трое мужчин в штатском и перевернули, перерыли и пересмотрели всё в моей комнате!

Надо было видеть жилище Софьи Андреевны – огромные старинные шкафы и буфет, рояль и сундук, коробки и корзинки, стопки нот и книг – всё это многочисленное старое, нужное и ненужное, но действительно уютное и милое сердцу немолодой хозяйки барахло, перемешанное с антиквариатом!

– Ничего мне не стали объяснять, но это ведь и не нужно было, я и так всё понимаю! Потом, правда, всё аккуратно поставили на место, – продолжала рассказ Софья Андреевна, – а минут через двадцать после их ухода появилась Светлана – принесла цветы, конфеты, два огромных кулька продуктов. Мне даже стало неловко.

Но продукты наверняка были кстати. Брать деньги со Светланы Софья Андреевна отказалась категорически, несмотря на то что жила небогато и была женщиной одинокой. Существовал, правда, какой-то пожилой господин, который иногда к ней заходил. Но происходило это не часто, у него была своя жизнь, у Софьи Андреевны – своя. К тому же, узнав о новой ученице, он вообще исчез на довольно продолжительное время.

Сама Светлана Софье Андреевне понравилась. Голоса, конечно, не было никакого, но Софья Андреевна была убеждена, что:

– Каждый человек наделён вокальными способностями, надо только помочь им раскрыться. Это и есть работа педагога.

Не помню, сколько это продолжалось. Может быть, месяц или два, два с половиной. Вряд ли за это время можно было хоть как-то поставить голос. Но занятия не прекращались. И каждый раз, вновь и вновь, трое в штатском перетряхивали «старорежимную» комнату. И каждый раз это были новые люди. И каждый раз действовали они почти одинаково. Два последних обстоятельства приводили Софью Андреевну в невероятный трепет. После Светланиного посещения она обычно звонила мне и сообщала все подробности.

Я, конечно, чувствовала угрызения совести, несколько раз хотела поговорить со Светланой и попросить её прекратить занятия – руки у Софьи Андреевны тряслись всё больше и больше, но она сама каждый раз останавливала меня:

– Нет, нет! Если Светлане нужно, то будем продолжать!

Софья Андреевна, несмотря на возраст, была азартным человеком. Думаю, чем-то эти занятия стали ей и любопытны.

* * *

Потом у меня как-то сразу начался период напряжённой работы в театре. Муж часто уезжал в командировки, постоянно задерживался у себя в штабе – часто до утра, а иногда и на несколько суток. И нам стало не до наших прежних вечеров.

Добираться от улицы Серафимовича до МХАТа и обратно было довольно неудобно – троллейбусы ходили редко и постоянно были переполнены, автобусами, с пересадкой, получалось ещё сложнее. И часто, если было время, я ходила пешком, через Каменный мост, мимо Кремля, через Манежную площадь. И вот как-то раз, когда я проходила Боровицкие ворота, ко мне кто-то подошёл и окликнул по имени. От неожиданности я вздрогнула и немного растерялась (шла задумавшись, настраиваясь на спектакль). Подняла глаза – и увидела Светлану.

– Давай пойдём вместе, я хочу с тобой поговорить, – сказала она. Вид у неё был расстроенный. Дальнейший разговор я хорошо запомнила, потому что это был наш единственный разговор по душам. На вечерах, как я уже говорила, Светлана вела себя очень сдержанно, мы никогда с ней о чём-то серьёзном не говорили, об отце даже и не упоминалось (как и об отце Юры). Из-за негласного, но строгого «табу» все даже звали её просто Светланой и никогда – Светланой Иосифовной. Для всей страны он ведь был товарищ Сталин, а не Иосиф Виссарионович. Сознательно или подсознательно, но все избегали называть это его имя...

– Кира, – начала Светлана, – мы разводимся...

Я была ошарашена. Мне казалось, что Юра и Светлана – это была такая любовь! Ведь и пение, и туфли без каблучков – всё это делалось ради Юры. И девочка родилась – видно было, что Светлана души в ней не чаяла, несмотря на всю свою сдержанность!

– Это мама Юры. Она с самого начала была против того, чтобы он на мне женился. И вот сейчас всё на грани катастрофы. Знаешь, дошло до того, что я даже кидалась к отцу!

– И что же он тебе сказал? – спросила я.

– Он сказал, что брак – это бесконечная цепь взаимных компромиссов, и что если вы родили ребёнка, то вам следует так или иначе семью сохранить.

– Ты рассказала Юре об этом разговоре?

– Да... Но это почти не подействовало... Мама его считает, что я загубила его талант пианиста. На занятия я уже не хожу, не до того....

(Я поняла, что Софья Андреевна освобождена от Светланиных посещений, а значит, и от троицы в плащах, перетряхивающей комнату).

Немного не дойдя до театра, мы расстались. Так закончились мои относительно близкие отношения со Светланой...

А дальше, в конце пятидесят второго года, последовал наш внезапный отъезд на Балтику. О неожиданном назначении туда Арсения командующим флотом мы узнали летом, находясь в отпуске, в Сочи. Для него это было понижением в должности, он переживал и в то же время считал, что на флоте, вдали от московских интриг, служить ему будет проще. Намного человечнее, доброжелательнее, по сравнению со МХАТом, оказалась и атмосфера в Калининградском областном театре, куда я пошла работать.

Смерть Сталина и последовавшее затем развенчание культа личности застали нас уже на новом месте, в Балтийске.

* * *

Вернулись мы в Москву в январе 1957 года. И снова поселились в «Доме на набережной». Я знала, что Светлана живёт в одном с нами огромном доме. Но отношения наши не возобновились. Хотя у меня было несколько встреч с ней. Хорошо помню одну из них. Было это уже после смерти Арсения, на квартире у Андрея Яковлевича Свердлова и его жены Нины Николаевны Подвойской, году в 1963-м или 1964-м. Семью эту со Светланой связывали давние отношения через родителей, революционеров, известных партийных деятелей – Якова Свердлова и Николая Подвойского. Когда я вошла, Светлана сидела у них за столом, ещё более замкнутая и зажатая, чем двенадцать лет назад. Выглядела она ужасно, была очень странно одета. Я тогда играла во МХАТе старшую сестру в пьесе чешского драматурга Павла Когоута «Дом, где мы родились». Свердловы видели этот спектакль. И Нина Николаевна, со свойственным ей комсомольским энтузиазмом, стала говорить:

– Светлана! Послушайте! Вам обязательно надо ходить в театры! Вот Кира, у неё очень хороший спектакль, она вас устроит! Обязательно сходите!

На что, после долгой паузы, Светлана ответила тихим своим голосом, но страшно определённо:

– Я никуда не хожу, кроме консерватории...

Я тут же вспомнила, что и в бытовой, по сути, пьесе Когоута несколько раз резко отрицательно говорится о культе личности Сталина. Поняли это и Свердловы. Все замолчали. Светлана сказала, что ей пора, и ушла...

Вот, собственно, и всё, что я могу рассказать о своих личных встречах со Светланой Аллилуевой. После этого Андрей Яковлевич несколько раз говорил со мной о ней. Он очень переживал, что у Светланы меняются мужья и любовники, а жизнь не складывается, и никто ничего сделать не может или не хочет, а надо бы.

Ещё через несколько лет Светлана эмигрировала, а точнее, как тогда говорили, стала «невозвращенкой». Выпросив с помощью Косыгина заграничный паспорт, через Индию, куда она отвозила прах мужа – индийца, умершего в Москве, она уехала в Америку. После этого я несколько раз встречала во дворе нашего дома дочку Светланы – Катю. И каждый раз, когда она видела меня, глаза её наполнялись слезами и ужасом – вот сейчас подойдёт и будет спрашивать... Я, конечно, никогда этого не делала. Было очень жаль её, но как ей помочь, я не знала. Отец её – Юра, тоже был далеко, в Ростове-на-Дону...

Потом до меня доходили только рассказы о Светлане.

В 1973 году я два месяца прожила в Соединённых Штатах, в Нью-Джерси, у Светланы Салерно-Нагоровой, дочери русских эмигрантов, уехавших из России ещё в 1918 году. Мы познакомилась и подружилась во время гастролей МХАТа в Америке в 1965 году, и она прислала мне приглашение. Её окружение (русские, живущие за границей, почти всегда держатся общиной) рассказали мне, что недалеко, в получасе езды по хайвею, в Пенсильвании, живёт Светлана Аллилуева. Что у неё дочка двух с небольшим лет и её только что бросил муж – югослав. Что у неё была покровительница – миллионерша, помогавшая ей, что Светлана написала и издала две или три книги, получила очень неплохие деньги, но неудачно ими распорядилась – пустила на пожертвования, так как стала очень религиозной, а большей частью – на помощь мужу, у которого начались финансовые сложности в его бизнесе. Многие считали, что он решил бросить её после того, как получил деньги.

Откровенно говоря, я испугалась, что ей расскажут обо мне и она захочет со мной увидеться. Отпускали меня за границу со многими сложностями. Я знала, что встреча со Светланой грозит неприятностями не только мне, но и моему сыну, который к тому времени стал морским офицером. Но она никак не проявилась. Может быть, Светлана понимала и моё положение, и отношение к ней тогдашних советских властей. А может быть, ей просто не хотелось ворошить прошлое...

Не встречалась я с ней и в горбачёвские времена, когда Светлане разрешили вернуться и она пробыла в Москве несколько месяцев. Мне хотелось с ней увидеться, но слишком много суеты было вокруг её появления. От знакомых я знала, что она ездила в Гори, на родину Сталина, что младшую её дочь – Ольгу – определили в одну из лучших московских школ, но ей там не нравилось, так как воняло мочой (и наверняка воняло!). Вскоре всё закончилось отъездом обратно в Америку...

Рассказать всё это я решила после того, как прочитала в газете, что Светлана живёт в Лондоне, в доме престарелых. Конечно, это не пансионат для ветеранов у нас, в России. И наверняка жизнь, быт там достаточно обустроены... Но одиночество – страшная вещь. А Светлана осталась там одна – отец Ольги умер, сама Ольга вышла замуж и уехала (сведения эти я почерпнула из той же газеты), старшие её дети – Иосиф и Катя – где-то здесь, в России. Отношения с ними у Светланы не сложились. Братьев – родного Василия и сводного Якова – давно нет в живых. Остались только воспоминания...

Впрочем, всё оказалось чуть лучше, чем мне казалось. Светлана сама рассказала о своей жизни в недавно прошедшей телепередаче. Теперь она живёт вместе с Ольгой в Соединённых Штатах, в маленьком городке, так как и Ольга, кажется, развелась. И пока что внучка Иосифа Виссарионовича Сталина работает официанткой в небольшом кафе, а её мама, дочь Сталина, Светлана Аллилуева, стараясь быть полезной, каждое утро готовит ей завтрак...

